

Русская мысль - 1995 -
Том 13 - 19 апр. - с. 10.

Премьер Большого театра

В Россию баритонам ездить нельзя — там Головин.

Из рецензии на выступление певца в Милане летом 1929 года.

1. Костюм Фигаро

Осенью 1979 года мы с женой были в Польше. В самом конце поездки мы попали в варшавский театр оперы и балета на вечер балетных миниатюр в постановке Сержа Лифаря.

В антракте мы отправились в театральный музей. Три небольших зала, ярко освещенных огромными люстрами, были заполнены обычными музейными экспонатами: макеты постановок, афиши, фотографии, костюмы... Я, может быть, прошел бы мимо этой витрины, где был выставлен яркозеленый костюм Фигаро, но уж очень он был красив, весь украшенный блестками и кружевами. Я нагнулся, чтобы прочесть надпись, исполненную на трех языках: польском, английском и русском... Там было написано: «В этом костюме в нашем театре в сезон 1931—1932 года пел партию Фигаро премьер Большого театра СССР Дмитрий Головин».

Да не посетует читатель на эту литературную банальность, но у меня буквально остановилось сердце... Жена потом говорила, что я страшно побледнел, на лбу выступили капли пота, она еле успела усадить меня на стул...

Я закрыл глаза, а когда открыл, уже не было вокруг ни Варшавы, ни театра, ни музея, а был маленький уральский городок Ивдель, занесенный снегом, съезжившийся от холода (только ли от холода?), опоясанная колючей проволокой зона и вросший в землю барак с тусклой лампочкой под самым потолком... Если пристально присмотреться, можно было прочесть надписи на дощечках: «Гринблат М.Я., год рождения, срок, статья, Головин Д.Д., год рождения, срок, статья...».

Да, с великим баритоном, премьером Большого театра, мы более трех лет пролежали на одних нарах в печально известном Ивдельлаге, о котором у Солженицына в «Архипелаге Гулага» сказано: «Мы сидим на Краснопресненской пересылке и молим Бога только об одном — не попасть бы в самый страшный советский лагерь, в Ивдель, что на Северном Урале».

Дмитрий Головин
в роли Риголетто. 1932.

Эмильевич Мейерхольд. Да, этот дом хранит память о многих трагедиях: здесь убили жену Мейерхольда Зинаиду Райх, здесь же взяли их добрых и хлебосольных соседей — отца и сына Головинных... По чудовищному обвинению в убийстве Райх их осудили, и они оба оказались в лагере.

Недавно журнал «Огонек» по материалам из рассекреченных архивов рассказал, как это было. Как удобно было обвинить именно Головина, артиста режиссерского Большого театра, не раз замеченного в вольных разговорах, почему-то не уехавшего со своей труппой в эвакуацию в Куйбышев, а оставшегося в столице якобы для обслуживания госпиталя и воинских частей, «наверное, немцев дожидаться?!»...

«Праведный» суд состоялся, и десять долгих лет всемирно известный голос Головина звучал в бараках, столовых (в дни выступлений театра они превращались в концертные залы), и арии Онегина, Мазепы, романсы и песни слушали сотни тысяч эзков, попавших сюда, как правило, по такому же ложному обвинению, по такому же «праведному» суду...

2. Я — Митька, а я — Федька

Году в 1912-м или 1913-м (Головин, рассказывая мне этот случай, точно не мог вспомнить, когда это было) он работал матросом на небольшом рейсовом пароходике на Черном море. Однажды ярким

Так вот, Головин и я как раз туда и попали! Было все: и общие работы — лесоповал, лесная биржа с ручной погрузкой бревен, молевой сплав по реке, постройка барачков, но потом все-таки театр, театр за колючей проволокой, в котором работали прекрасные артисты драмы, оперы, балета, эстрады, цирка...

Странная и страшная закономерность — плохих артистов там не было, видимо, «брали» только артистов с союзной, а то и мировой известностью, сказавших свое слово в искусстве.

Недалеко от Центрального телеграфа на улице Неждановой стоит дом. Там недавно укрепили памятную доску, напоминающую о том, что именно в этом доме жил до ареста и гибели в застенках Лубянки великий режиссер Всеволод

солнечным июльским утром он драил палубу и по своему обыкновению пел во все горло. Вдруг к матросу подошел какой-то весьма представительный господин и спросил:

— Как звать тебя, парень?

— Митькой! А тебя?

— А меня — Федькой! Слушай, парень: тебе не палубу драить — тебе петь нужно, — сказал пассажир.

— А я и пою!

— Тебе учиться надо. Попомни мое слово, ты большим артистом станешь, — сказал пассажир.

— Артистом, — засмеялся матрос. — Мне бы боцманом стать, и то хорошо.

— Ладно, не будем спорить. Если надумаешь учиться, любому педагогу скажешь: меня Шаляпин слушал и сказал, чтобы я учился! Понял?

Но Митька Головин, парень из станицы Безопасной, что на Ставропольщине, тогда не знал, кто такой Шаляпин.

Как-то ночью в лагере Данилыч рассказал мне продолжение этой истории.

— Я ведь встретил его в Италии, в Ла Скала. Я пел там Фигаро, а он на следующий день Дон Кихота... Никогда себе не прощу, что по нашей проклятой привычке верить властям считал его «предателем Родины» и разговаривать с ним опасался... Эх, рабы системы — вот такими мы и были! А представляешь — подошел бы я к нему и сказал: «Здорово, Федька, я — Митька, послушался тебя, певцом стал, в Большом пою...» Эх, жизнь наша страшная — не подошел! А знаю, что он меня из-за кулис слушал и даже аплодировал.

Но прежде чем произошла эта встреча двух прекрасных русских певцов, Головину нужно было одолеть такие горы, что и подумать страшно.

3. Жизнь и судьба артиста

В истории советского оперного искусства имя и судьба Дмитрия Даниловича Головина (1894—1966) отечественным и мировым искусством признаны, но и трагическими обстоятельствами, превратившими блистательную карьеру любимца публики.

Обладатель редкого по красоте, силе и тембру голоса, Головин с большим успехом выступал в партиях лирического и драматического баритона: Мизгирь и Грязной, Евгений Онегин и Мазепа, князь Игорь, Демон, Яго, Риголетто, Фигаро — вот она, галерея незабываемых образов, созданных замечательным певцом. В его концертном репертуаре были романсы Глинки, Чайковского, Рахманинова, оперные арии Тома, Леонкавалло, Рубинштейна, русские народные песни, песни советских композиторов.

В силу своей одаренности и прекрасного, от природы поставленного голоса Головин начал петь сначала в хоре Андреевской церкви, а в начале 20-х годов — в театре имени Луначарского в Ставрополе, где был замечен приехавшим туда известным русским театральным деятелем С.Зиминным. Последовало приглашение в Москву, двухлетняя под-

готовка в стенах Московской консерватории, в классе профессора Н.Райского и параллельно в студии К.Станиславского. Потом в 1924 году состоялся блестящий дебют (партия Демона) на сцене Большого театра. Этот взлет был феноменален: за какие-нибудь шесть-семь лет от бравого матроса и запевалы в экипажах черноморских тральщиков до оперной знаменитости.

Сергей Яковлевич Лемешев вспоминал: «В пору своего расцвета, в конце 20-х и в 30-е годы, он часто пел так, как, пожалуй, до него никто не пел. Голос его по диапазону представлялся бесконечным, казалось, что его вполне хватило бы на двух певцов!»

...Когда Головин был «в ударе», на сцене, за кулисами и в зрительном зале царил праздник. После его выступлений в «Демоне» на тбилисской сцене, помню, не только зрители, но и многие из певцов словно шлепая от той стихии звука и мощного драматизма, который обрушивал на них Головин» (С.Лемешев. Путь к искусству. М., 1968).

В 1928 году по инициативе А.Луначарского, который высоко ценил Дмитрия Головина как певца и актера, Наркомпрос посылает его в Милан. Совершенствуя свое мастерство, певец выступал там вместе со знаменитыми мастерами бельканто. А концерты и спектакли в Париже и Монте-Карло принесли ему мировую известность.

Зарубежные газеты в те годы писали: «Выступления русского баритона Головина произвели неизгладимое впечатление...»

«По красоте и силе звука, по благородству тембра голос Головина не знает себе равных».

«Восторгом и неистовству парижской публики не было пределов, когда стало известно, что Головин до четырнадцати лет был деревенским пастухом, что до появления на сцене он был сапожником, токарем, поваренком на пароходе, с 1914 по 1918 рядовым матросом Черноморского флота, и что свою артистическую карьеру он начал лишь в 1924 году».

Поистине блистательная карьера!

Еще один штрих к портрету певца. В октябре 1941 года Большой театр эвакуировался в Куйбышев. Но Головин остался в Москве, часто выезжая в составе фронтовых бригад на передовую.

4. Концерт в колхозе

Однако вернемся в «зону», в наш «театр за колючей проволокой». Жаркое уральское лето, опять маленький буксирчик, что тянет баржу с нашим «театром» по неглубокой северной речке: мы едем на малые «гастроли» по лагерным пунктам, разбросанным на 600—700 километров вокруг нашей «столицы» Ивделя. Там, в лагерной глубинке, нас ждут, ведь это единственный луч света в том темном царстве неволи, бесправия, произвола, медленной смерти, моральной и физической...

Москва

Печатается в сокращении. Продолжение следует.